

КОСТЯНЫЕ АМУЛЕТЫ СО СЛАВЯНСКОГО ЖИВОТИННОГО ГОРОДИЩА VIII – НАЧАЛА XI ВЕКА*

А. З. Винников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 декабря 2010 г.

Аннотация: *в статье описываются костяные амулеты славянского Животинного городища VIII – начала XI в., расположенного на р. Воронеж. Дана типология предметов, определены их аналогии и этнографические параллели. Рассмотрены семантика и смысловое содержание амулетов.*

Ключевые слова: *кость, амулет, славяне, астрагал, знаки, рисунок, салтово-маяцкая культура.*

Abstract: *slavic Zhihotinnoe settlement (VIII – early XI centuries) is situated on the River Voronezh. In this article bone amulets from this settlement are described. Typology of bone amulets is given, as well as their similarities and ethnographic parallels are defined. The author also explored semantics and semantic content of amulets.*

Key words: *bone, amulet, Slavs, astragalus, signs, picture, Saltovo-Mayatsky culture.*

Животинное городище, расположенное на р. Воронеж, неоднократно описывалось в литературе [1, с. 14–17]. Отмечалось, что помимо славянских материалов боршевской культуры, наиболее многочисленных, в его культурном слое представлены материалы различных исторических периодов: эпохи бронзы, раннего железного века, сарматского периода, середины I тысячелетия нашей эры, древнерусского времени. Естественно, каждая из этих эпох оставила определенный набор изделий из кости, поэтому немаловажное значение имел отбор тех изделий, которые с достаточно большой долей уверенности могут быть отнесены к периоду существования славянского поселка боршевской культуры: из жилых и хозяйственных комплексов, из участков культурного слоя относительно «чистых» от наслоений и материалов иных исторических периодов, по аналогиям с памятников, синхронных Животинному городищу. С таких позиций и критериев мы подходим и к отбору и анализу амулетов, обнаруженных на Животинном городище.

Наиболее многочисленной категорией находок являются астрагалы. К славянскому поселку боршевского времени со значительной долей достоверности можно отнести около 215 экземпляров, из них более половины имеют отверстия. В жилых постройках найдено 77 астрагалов, из них 19 обнаружены на полу построек

(1, 19, 20, 23, 24, 26, 27, 28, 32, 33, 56, 57), три в печах (3, 22, 30). Значительное число астрагалов выявлено в самой нижней части заполнения котлованов и, вероятнее всего, является неотъемлемой частью комплекса материала, происходящего из этих построек.

К сожалению, каких-либо ярко выраженных наборов астрагалов в постройках не выявлено. Вряд ли можно считать набором 4 астрагала, обнаруженные в небольшой столбовой яме у стены постройки 32, среди них один астрагал с недоделанным отверстием, два – с отверстием и еще один – орнаментированный без отверстия. Если это и набор, то он не мог быть единым целым. Возможно, в качестве набора можно рассматривать три астрагала с отверстиями, выявленными на полу постройки 19, но и здесь они лежали не рядом, а на расстоянии 1–1,5 м друг от друга. По два астрагала с отверстиями вместе встречены на полу построек 20, 23, 26. Возможно, это своеобразные комплекты.

В хозяйственных ямах, в том числе и тех, которые мы связываем с конкретными жилыми постройками, выявлен 31 астрагал. В подавляющем большинстве ям – в 12 из 17, они были найдены по одному экземпляру. И во всех случаях почти на самом полу ям или ближе к нему. В двух ямах встречены по два астрагала также и в нижней части заполнения. В двух ямах – по три экземпляра на разных глубинах. Выделяется яма 55, связываемая нами в единый комплекс с жилищем 20. В основании ямы найдены 23 сильно обгоревших астрагала, три из которых имели отверстия. Заполнение ямы

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-11-36006 ф/ц.

© Винников А. З., 2011

насыщено горелыми зернами ячменя, пшеницы и других культур. На дне ямы, там, где обнаружены астрагалы, выявлены остатки деревянной подставки, на которой стоял бронзовый сосуд (котел) с железными ушками, подвергшийся сильному действию огня. В развале сосуда также встречено значительное количество зерна. По форме и размерам это обычная зерновая яма, но по характеру обнаруженного в ней материала она отличается от других аналогичных ям. Вероятно, она связана с какими-то аграрными культами и ритуалами, в которых астрагалы, хранившиеся или на полочке или на полу рядом с бронзовым сосудом, играли определенную роль. Ни в одной другой хозяйственной яме Животинного городища подобного явления не встречено.

В культурном слое выявлено 67 астрагалов. Нельзя заметить какой-либо разницы в насыщенности этими находками между отдельными участками раскопанной площади или между раскопами. Практически все они встречены в первых двух штыках культурного слоя. Каких-либо скоплений астрагалов, позволивших рассматривать их как комплекты или наборы, нет. Подавляющее их большинство – 53, т.е. 79 %, имеют отверстия.

22 астрагала имеют какие-то знаки, рисунки (граффити), процарапанные острым предметом. Подробный анализ, с привлечением большого круга этнографических источников, сюжетов на астрагалах, встреченных на памятниках салтово-маяцкой культуры, дан в работах В. Е. Флеровой [2, с. 55–59; 3, с. 108–111]. Сюжеты довольно разнообразные – 9 вариантов, но самый многочисленный – 12 астрагалов, т.е. более 50 % – это различные типы и варианты «решетки» или «сетки», следуя терминологии В. Е. Флеровой [2, с. 56] (рис. 1, 2, 4, 7, 9, 10, 13, 15; рис. 2, 1–5). На некоторых астрагалах наряду с данным сюжетом имеются некоторые детали иного характера. На одном астрагале «сетка» выполнена на одной из боковых сторон, обрамлена по всему периметру точечным орнаментом (рис. 1, 2), у этого астрагала нет отверстия. Очень своеобразным выглядит и астрагал с отверстием, обнаруженный в яме 135 (рис. 2, 1). У него две боковые грани орнаментированы ромбовидными прямоугольниками, соприкасающимися углами и заштрихованными мелкой сеткой. На боковых гранях имеется более выраженное изображение «сетки» или «решетки». На одной из поверхностей, условно верхней, в месте перехода в торец полукругом идут ровные насечки. Еще на одном из астрагалов «сетка»

изображена двойными параллельными аккуратными линиями (рис. 2, 5).

На одном из астрагалов имеется изображение трех пар вертикальных линий, соединенных тонкими горизонтальными черточками (рис. 1, 5). Такие изображения В. Е. Флерова назвала «лесенками» [2, с. 57].

Два астрагала имеют знаки, получившие название «открытая лесенка», – изображение одной длинной линии вдоль астрагала, с отходящими от нее короткими поперечными (рис. 1, 1, 8) [2, с. 57]. При этом нужно признать, что изображения на астрагалах с Животинного городища не в полной мере соответствуют тем, которые В. Е. Флерова относит к этой группе знаков [2, с. 118–121, табл. VIII, 9, 47, 65; IX, 10–12].

Один астрагал имеет на одной из боковых граней четыре крестообразных изображения (рис. 1, 6). На астрагале с решетчатым символом (рис. 1, 15) на одной из граней начертаны линии под углом 45°, а еще на одном астрагале (рис. 1, 12) на одной из его граней имеются почти вертикальные линии.

На одном из астрагалов имеется изображение мирового дерева. Это изображение не совсем обычное. Здесь как бы два ствола, один чуть выше, другой несколько ниже. На верхнем – ветви имеются только с одной стороны, на нижнем – с двух. Изображение не очень четкое, некоторые линии едва просматриваются.

Еще один астрагал имеет на одной из сторон точечный орнамент. Точки располагаются не совсем правильными линиями по 6–7 в каждой, всего 5 линий (рис. 1, 16).

Интересны два астрагала, на боковых стенках которых имеются изображения, которые вполне можно представить как зооморфные (рис. 1, 10–11), а на одном из них (рис. 1, 10) на боковой стенке есть рисунок, интерпретируемый как «решетка» или «сетка». Изображения, которые нами представляются как зооморфные, покрыты частой мелкой штриховкой и довольно рельефно выделяются на фоне костяной поверхности. Не исключено, что это стилизованные изображения каких-то землеройных животных. Астрагал, найденный в столбовой яме постройки 32, орнаментирован изображением квадрата (прямоугольника), пересеченного в вертикальном и горизонтальном направлениях слегка наклонными линиями (рис. 1, 3). Возможно, это изображение также представляет собой разновидность «сетки».

И наконец, следует обратить внимание на одно необычное, не похожее ни в какой степени ни на одно ранее рассмотренное изображение

Рис. 1. Орнаментированные астрагалы с Животинного городища

на астрагале с отверстием, обнаруженное в яме 18, не связанное ни с одним из жилищ. На хорошо отполированной стороне процарапаны какие-то знаки, возможно, буквенного характера (рис. 1, 14). Несколько близкие по начертанию знаки приводит В. Е. Флерова в своей книге, не причисляя их ни к одной из выделенных ею групп изображений и не рассматривая

в качестве отдельной группы [2, с. 118, табл. VIII, 11–12].

По поводу назначения и способа использования астрагалов имеется довольно большая и разнообразная литература. Она достаточно полно приведена в работах В. Е. Флеровой [2, с. 55–59; 3, с. 108–111]. Литература, особенно этнографическая, содержит много сведений об

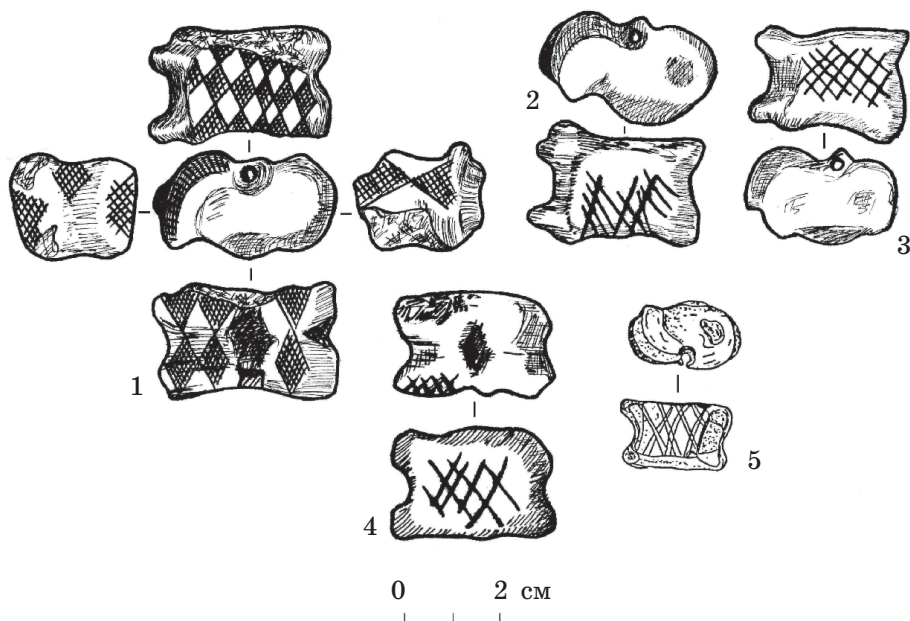

Рис. 2. Орнаментированные астрагалы с Животинного городища

использовании астрагалов и в качестве игральных предметов, и в культовой практике, в различного рода обрядах, ритуальных действиях, и наконец, в качестве амулетов. Причем, нужно отметить, что способ их использования (кроме как амулетов) не зависел от того, были они просверлены или нет. Безусловно, в качестве игральных костей использовались астрагалы, у которых имелись отверстия с залитым металлом (свинец) для утяжеления. Таких на Животинном городище встречено два экземпляра. В каких-либо культовых целях использовались как орнаментированные, так и неорнаментированные, как просверленные, так и без отверстий астрагалы. В культовой яме 55, где встречены 23 сильно обгоревших астрагала, лишь три имели отверстия и ни на одном не было орнамента. В качестве примера культового назначения астрагалов можно привести ритуальное погребение головы лошади в основании вала – в укреплении Воргольского городища. Погребение совершено в яме, на дне которой был слой углей и «несколько десятков астрагалов, на большинстве которых есть отверстия...» [4, с. 128–129].

Среди орнаментированных астрагалов с Животинного городища 11 экземпляров (50 %) не имеют отверстий. Это, возможно, означает, что они могли использоваться не в качестве личных амулетов, а в различных видах культовой практики.

Что касается символики орнаментальных сюжетов на астрагалах Животинного городища, очень трудно что-либо добавить к тому, что разработано В. Е. Флеровой с использованием разнообразных этнографических сведений, применительно к материалам салтово-маяцкой

культуры в упомянутых выше работах. У донских славян и населения салтово-маяцкой культуры были различные хозяйственные уклады, общественное и социальное устройство, религиозные представления, что нашло отражение, прежде всего, в погребальной обрядности, но при этом, вероятно, их объединяли какие-то общечеловеческие представления о строении мира, силах природы, ее воздействии на человека, что и нашло отражение в символике изображений на астрагалах. Все эти знаки на астрагалах имели широкое распространение не только на славянских и салтово-маяцких памятниках. Они, судя по приведенному В. Е. Флеровой материалу, встречены на многих других памятниках и даже более широкого хронологического диапазона [2, с. 56–59].

В то же время нужно отметить, что количество астрагалов с различными изображениями, встреченных на различных памятниках Дона, очень различно. На Животинном городище 22 экземпляра; на Титчихинском трудно установить точное число, во всяком случае, меньше 10; на Малом Боршевском их нет; на Большом Боршевском, судя по публикации, 1 экземпляр; на Белогорском, расположенном на р. Воронеж, 3 экземпляра. И дело не только в степени изученности памятников. Титчихинское городище раскопками изучено в значительной степени лучше, чем все остальные. На Новотроицком городище в Днепропровском Левобережье, раскопанном практически полностью, судя по публикации, имеется лишь 3 орнаментированных астрагала [5, с. 51, рис. 30, 1; с. 159, рис. 100, 4]. Этот перечень можно было бы продолжить и по

другим славянским памятникам конца I тыс. н.э. Орнаментальные сюжеты на астрагалах других славянских памятников не содержат каких-либо орнаментальных мотивов, не встреченных на рассмотренных выше с Животинного городища.

Кроме астрагалов – таранных костей козули, барана, быка, в том числе и орнаментированных, – в качестве амулетов использовались так называемые «амулеты-натуралии», изготовленные из клыков и костей животных [3, с. 211].

Среди них, прежде всего, три клыка медведя, встреченные в постройках 47 (рис. 3, 1), 27 (рис. 3, 2) и почти у пола ямы 109 (рис. 3, 3). Это один из распространенных типов амулетов на славянских памятниках бассейна Дона [6, с. 170, рис. 60, 7, с. 128, рис. 6, 2, 2а и др.]. Имеются амулеты из клыков медведя в коллекции Саркела – Белой Вежи [3, с. 111, рис. 59, 1–2]. Анализируя медвежий культ у народов Верхнего Поволжья в XI в., Н. Н. Воронин обратил внимание на его дуализм. С одной стороны, это

священный зверь, с другой – нечистая сила. Но, тем не менее, Н. Н. Воронин подчеркивал, что образ медведя занимал в жизни человека важное место, особенно в ритуальных действиях, связанных с охотничьим промыслом [8, с. 49–50]. В яме 109 вместе с просверленным клыком медведя обнаружен и коготь медведя (рис. 3, 5). Еще два когтя медведя встречены в нижней части заполнения постройки 51 (рис. 3, 8) и в первом пласте культурного слоя раскопа 5 (рис. 3, 7). В остеологической коллекции Животинного городища содержатся кости от 15 особей медведя (одна молодая, одна полувзрослая, 13 взрослых) – 3,55 % всех особей диких животных [9, с. 36, табл. 2]. Это свидетельствует о достаточно развитой охоте на этих животных.

Кроме амулетов из клыков и когтей медведя найдены два амулета из клыков лисы. Один из них (рис. 3, 9) в печи постройки 51, в которой обнаружен и коготь медведя, второй – в яме 193 (рис. 3, 10). Среди костей диких животных встречены кости 4 особей взрослых лис – 0,95 %

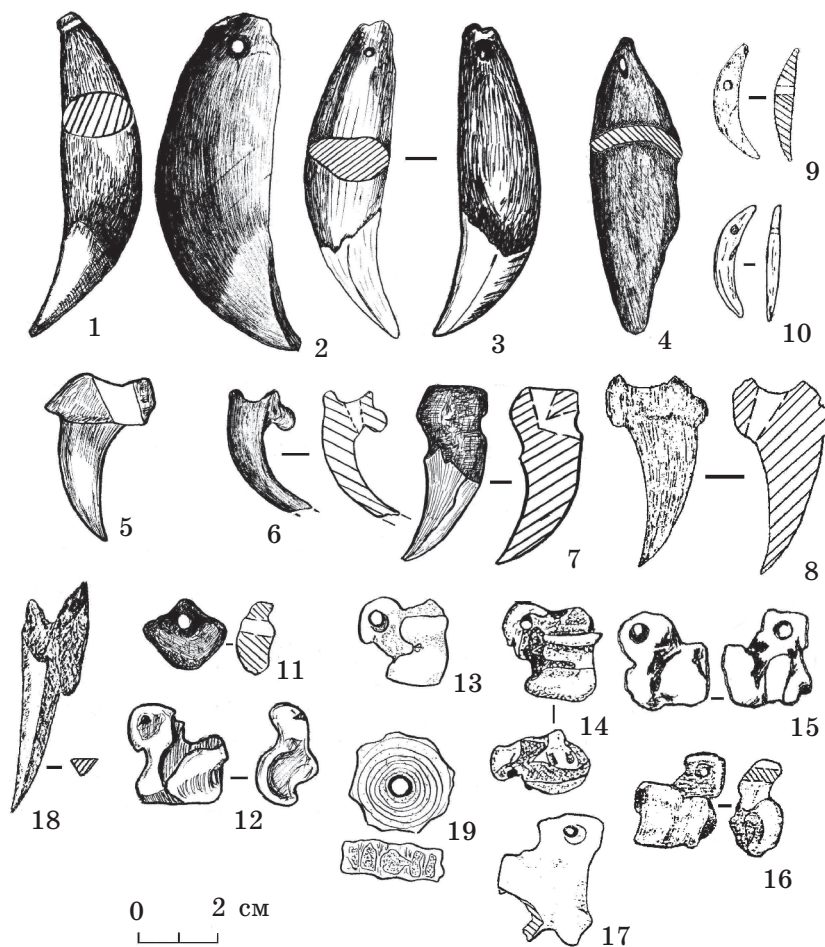

Рис. 3. Костяные амулеты с Животинного городища

[9, с. 36–37, табл. 2], что также является свидетельством охоты и на этот вид животных. В коллекции Животинного городища имеется и один амулет из когтя рыси (рис. 3, 6), выявленный в слое раскопа 5 (второй пласт). Костей рыси в остеологической коллекции Животинного городища, кроме этого когтя, нет. Костей рыси нет и среди остеологического материала других донских славянских памятников [1, с. 50–51, табл. 3]. Вероятно, в данном случае мы сталкиваемся с фактом, свидетельствующим, что далеко не все туши животных приносили в поселок с охоты, некоторых свеживали на месте, брали шкуры и какие-то части скелета, в данном случае коготь. На это уже обращали внимание исследователи [4, с. 70]. Б. А. Рыбаков отмечал: «...культ рыси восходит к значительно более ранним временам» и при этом он подчеркивал, что обереги в виде рыси должны считаться надежной охраной [10, с. 548].

На городище встречены 5 амулетов из просверленных астрагалов бобра. Обнаружены они и в постройках, и в слое (рис. 3, 12–16). Амулеты-подвески из астрагалов бобра имеют очень широкое распространение на различных памятниках, и не только славянских [4, с. 167–169; 3, с. 111, рис. 59, 10–13; 11, с. 86–89 и др.]. Значение охоты на бобра у донских славян в их хозяйственной жизни трудно переоценить. На Титчихинском городище среди костей диких животных особи бобров составляют 35 %, на Большом Боршевском – 45 %, на Животинном городище – 7,58 %. Несмотря на то, что особей бобров на Животинном городище значительно меньше, чем на донских памятниках, охота на них имела большое значение для населения Животинного городища, для получения, прежде всего, пушнины и мяса для питания. Кроме того, бобры являлись предметом особого почитания у многих народов. Существует мнение, что именно с бобрами связано формирование представлений в языческой религии о водяных [12, с. 136 и след.]. Бобры в представлении многих народов обладают определенной целебной силой [12, с. 134–159]. В связи с этим ношение славянами амулетов в виде бобров выглядит вполне понятным и закономерным явлением.

Кроме амулетов, связанных с миром диких животных, на Животинном городище выявлено два амулета из костей домашних животных: из суставной кости овцы или козы (рис. 3, 11) и из фаланги свиньи (рис. 3, 4). И по размерам и по форме амулет из фаланги свиньи очень напоминает амулет из клыка медведя. Грани хорошо обработаны, окончания закруглены и тща-

тельно заглажены. Если амулеты из костей овец, баранов ранее встречались на других памятниках, то амулет из кости свиньи встречен впервые. Свиньи, как известно, занимают второе или третье место, а на некоторых памятниках и первое в составе стада домашних животных. На Животинном городище количество особей домашних свиней составляет 28,69 % [9, с. 36, табл. 2]. Свиноводство – довольно широко развитый вид хозяйственной деятельности славянского населения, и проявление культового отношения к этому виду животных вполне естественно. А. Н. Афанасьев, рассматривая народные представления о свинье как о священном животном, писал: «Как животное, которое роет землю, она явилась символом 1) плуга, бороздящего нивы; 2) вихря, взметающего прах по полям и дорогам; а как животное необыкновенно плодучее, свинья поставлена в близкую связь с творческими силами весенней природы. Вместе с тем мифы приписали ей то же влияние на земледелие и урожай, какое принадлежит грозovým тучам» [13, с. 767].

Вероятно, амулетом можно считать один из довольно крупных позвонков рыбы, из породы осетровых (рис. 3, 19). Отверстие в центре имеет форму правильного круга и хорошо отшлифовано. А. Н. Москаленко высказывала мысль о возможности использования в качестве амулетов просверленных позвонков крупных рыб, не приводя, правда, конкретных примеров [8, с. 169]. В качестве амулета, вероятно, использовалась одна из костей собаки с хорошо отшлифованным отверстием (рис. 3, 17). На Животинном городище встречены кости от четырех особей собак, что составляет 1,69 % домашних животных, встреченных на памятнике [9, с. 35–36, табл. 1, 2]. При этом О. П. Журавлев отмечает, что собака на Животинном городище в пищу не употреблялась [9, с. 41].

На Животинном городище встречен ряд костей и изделий из рога со специально просверленным отверстием. Далеко не во всех случаях можно совершенно точно определить их назначение. В верхней части заполнения котлована постройки 47 обнаружен роговой брусочек длиной 7,4 см, овальной в плане формы (1,1×1,6 см) с отверстием у одного из краев для подвешивания (рис. 4, 1). Поверхности хорошо заглажены и местами заполированы. Вероятно, это или лоцило, или амулет.

Еще ряд костей домашних животных без дополнительной обработки имеют специально сделанное отверстие (рис. 4, 2, 5, 6, 8, 9, 10). Среди них только одна была определена как суставная кость быка (рис. 4, 5). Одно изделие

пальцевидной формы из кости с отверстием имеет следы подработки и хорошей заглаженности по всей поверхности (рис. 4, 3). Часть рога косули, также слегка подработанного, имеет хорошо заглаженное отверстие (рис. 4, 4). Веро-

ятно, все эти предметы были предназначены для ношения на веревочке и выполняли функции амулетов-оберегов, ибо наиболее крупные кости имеют следы специальной обработки и затертости одного из концов.

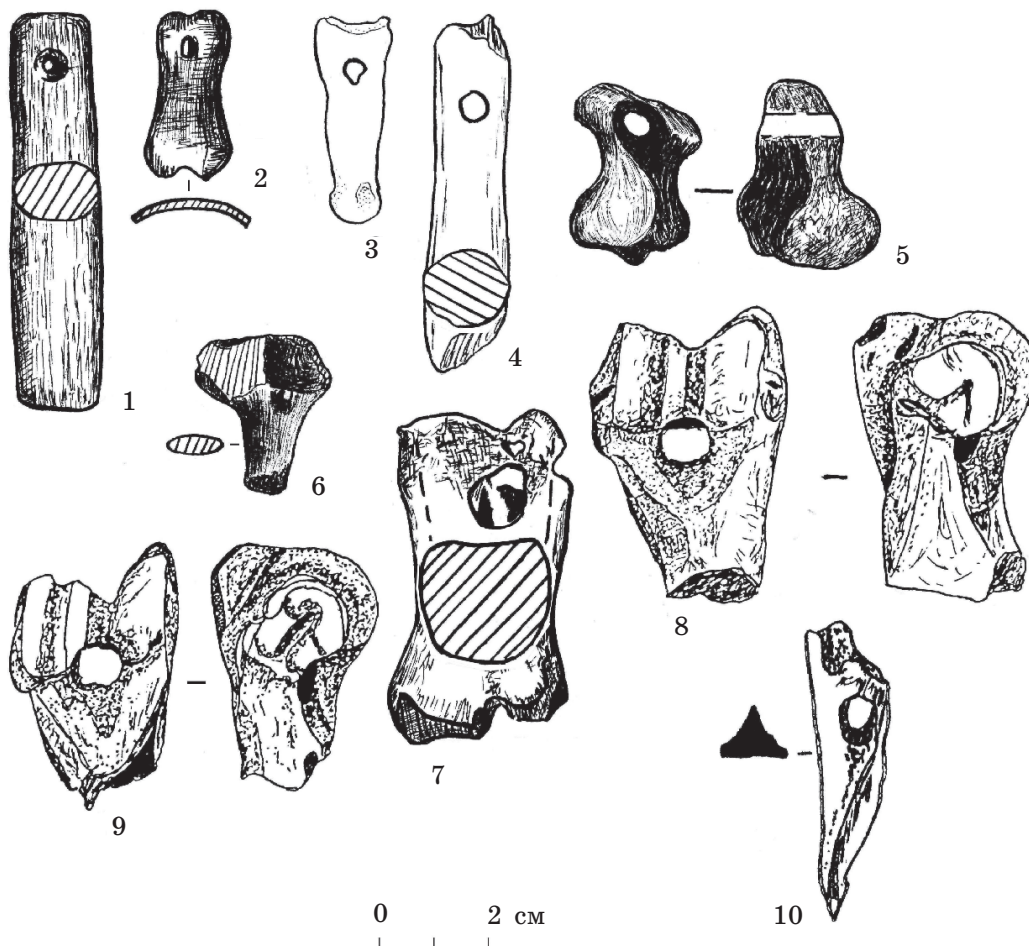

Рис. 4. Кости животных с отверстиями с Животинного городища

ЛИТЕРАТУРА

1. Винников А. З. Славяне Лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века) / А. З. Винников. – Воронеж, 1995.
2. Флерова В. Е. Граффити Хазарии / В. Е. Флерова. – М., 1997.
3. Флерова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков : искусство и ремесло / В. Е. Флерова. – СПб., 2001.
4. Москаленко А. Н. Славяне на Дону (Боршевская культура) / А. Н. Москаленко. – Воронеж, 1981.
5. Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства / И. И. Ляпушкин // Ма-

- териалы и исследования по археологии СССР. – М. ; Л., 1958. – № 74.
6. Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону / А. Н. Москаленко. – Воронеж, 1965.
7. Винников А. З. Славянское городище на Белой Горе под Воронежем / А. З. Винников // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 1977. – Вып. 6.
8. Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. / Н. Н. Воронин // Краеведческие записки. – Ярославль, 1960. – Вып IV.
9. Журавлев О. П. Животноводство у славянского населения восточноевропейской лесостепи во

второй половине I тысячелетия нашей эры / О. П. Журавлев // Вопросы истории славян. Археология, этнография. – Воронеж, 1998. – Вып. 12.

10. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1989.

11. Фехнер М. В. Предметы языческого культа / М. В. Фехнер // Ярославское Поволжье в X–XI вв. – М., 1963.

12. Скалон В. Н. Речные бобры Северной Азии / В. Н. Скалон. – М., 1951.

13. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов / А. Н. Афанасьев. – М., 1865. – Т. 1.

Воронежский государственный университет

*Винников А. З., доктор исторических наук,
профессор кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов*

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Tel.: 8(473) 224-75-14

Voronezh State University

*Vinnikov A. Z., Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Middle Ages and Foreign Slavic Nations Department*

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Tel.: 8(473) 224-75-14